

Седьмого июля, в праздник Циси, был также день рождения Лу Ци. Вокруг беседки в заднем дворе Резиденции генерала висели разноцветные шелковые фонари, украшая ночь словно сон. На каменном столе стояло несколько простых закусок и кувшин подогретого просяного вина. Лу Ци, редко снимавшая доспехи, была в широком халате лунно-белого цвета, серебряные волосы небрежно заколоты нефритовой шпилькой; в лунном свете она казалась сошедшим с небес бессмертным.

— Почему Шаошан всё не идет? — Она легонько постучала пальцами по столу, то и дело поглядывая в сторону галереи. Как раз когда она собралась встать и пойти искать, послышались торопливые шаги, приближающиеся издалека. Чэн Шаошан прибежала, держа в руках большую деревянную шкатулку; её пучок растрепался от бега, на щеке прилипла деревянная стружка.

— Ах, сестра долго ждала! — запыхавшись, она поставила шкатулку на каменный стол, глаза её невероятно сияли. — С днём рождения!

Лу Ци подняла бровь:

— Что это?

— Ты открой и посмотри, — Чэн Шаошан мяла уголок одежды, от волнения на кончике носа выступил пот.

Лу Ци открыла крышку шкатулки и на мгновение затаила дыхание — резная сцена из палисандра была словно живая: именно в тот день, когда они встретились, в переулке, молодая генерал наклонилась и протянула грязной девочке сахарное яблоко. Текстура доспехов Лу Ци, складки плаща и даже светло-коричневая родинка под глазом были точно воспроизведены. А выражение лица маленькой Шаошан, поднявшей голову, — эта надежда с примесью недоверия — было вырезано с удивительной глубиной.

— Это... — Лу Ци провела пальцами по статуэтке и вдруг заметила, что основание можно повернуть. Она попробовала повернуть его, и с обратной стороны открылась ещё одна миниатюрная сцена: в кабинете Лу Ци держит руку Шаошан, учит её писать, лепестки персиков за окном, кажется, вот-вот вылетят. Повернула ещё — и другая картина: во дворе Лу Ци поправляет мечевой выпад Шаошан, в мастерской они склонились голова к голове, изучая деревянную куклу, под беседкой делят арбуз, накануне отправления на поле боя Шаошан завязывает на Лу Ци оберег... Шесть сцен, шесть их общих воспоминаний.

— Основание можно открыть... — тихо подсказала Чэн Шаошан, глаза её блеснули.

Лу Ци послушно открыла потайное отделение, внутри лежала деревянная табличка с четырьмя иероглифами: «Мир и радость». Почерк был детский, но старательный — именно то, что Чэн Шаошан оттачивала бесчисленное количество раз.

— Я... я ещё плохо пишу иероглифы... — Чэн Шаошан опустила голову, теребя пояс. — В

следующем году на день рождения сестры я обязательно... — не договорив, она вдруг оказалась в тёплых объятиях. Лу Ци крепко прижала её к себе, подбородком уткнулась ей в макушку и с хрипотцой произнесла:

— Мне очень нравится.

Чэн Шаошан застыла в объятиях Лу Ци, её ноздрей коснулся знакомый холодный аромат. Она украдкой глубоко вздохнула, жадно запоминая этот запах.

— Раз сестре нравится, значит, хорошо... — Лёгкий аромат борнеола от Лу Ци окутал её, и рядом с ухом послышалось сдавленное всхлипывание:

— Спасибо... Это лучший подарок, который я когда-либо получала.

Чэн Шаошан остолбенела. Она никогда не видела Лу Ци настолько эмоциональной; та, что была непобедимой воительницей на поле боя, сейчас покраснела глазами из-за нескольких деревянных фигурок.

— Раз сестре нравится, значит, хорошо, — тихо ответила она, обнимая Лу Ци в ответ и прижимаясь щекой к мягкой ткани.

Прошло немало времени, прежде чем Лу Ци отпустила её, достала фигурки одну за другой и расставила их в лунном свете, внимательно разглядывая. Чэн Шаошан воспользовалась моментом, налила две чашки просяного вина:

— Сестра, выпьешь со мной?

Лу Ци усмехнулась:

— Ты умеешь пить?

— Сегодня же особый день! — Чэн Шаошан вложила чашку в её руку. — Совсем чуть-чуть...

Янтарная жидкость колыхнулась в лунном свете, они легонько чокнулись. Чэн Шаошан, подражая Лу Ци, осушила чашку залпом, но тут же закашлялась, её личико мгновенно покраснело.

— Пей помедленнее, — сдерживая смех, Лу Ци похлопала её по спине. — У этого вина долгое послевкусие.

Чэн Шаошан не сдавалась и налила себе ещё одну чашку. После трёх чашек у неё закружилась голова, щёки зарделись, как персиковые цветы в марте, глаза увлажнились, словно могли источать мёд.

— Сестра... — она оперлась на каменный стол, пальцем тыкая в лицо деревянной Лу Ци. — Эта

не похожа... сестра на самом деле красивее...

Лу Ци покачала головой, тихо смеясь, и убрала выбившуюся прядь волос за её ухо:

— Напилась?

— Вовсе нет! — Чэн Шаошан резко выпрямилась, но из-за слишком быстрого движения у неё закружилась голова, и она повалилась прямо в объятия Лу Ци. Она решила больше не вставать и, словно кошка, свернулась калачиком на коленях Лу Ци, бессознательно наматывая на палец её пояс.

Лунный свет залил их обеих, смешивая тени. Лу Ци опустила взгляд на пьяную девчушку в своих объятиях, и сердце её растаяло, как весенняя вода. Она нежно погладила Шаошан по макушке, позволяя тем рукам бесчинствовать на своём поясе.

— Сестра... — Чэн Шаошан вдруг подняла фигурку с их первой встречи и глупо улыбнулась. — В тот день ты спросила меня: «Хочешь пойти со мной?»... На самом деле я уже тогда хотела сказать: куда бы ты ни пошла, я пойду за тобой...

Сердце Лу Ци дрогнуло, она ущипнула её за маленький носик:

— Маленькая пьяница.

— Я не пьяна! — Чэн Шаошан попыталась сесть, но из-за потери равновесия рухнула на Лу Ци. Она обхватила её за шею, горячей щекой прижалась к ямочке на шее и принялась тереться:

— От сестры так вкусно пахнет...

У Лу Ци перехватило дыхание. Мягкое тело девушки прижималось к ней, дыхание, пахнущее сладким вином, скользнуло по ключице, вызвав дрожь. Она машинально поддержала Чэн Шаошан за талию, но нащупала гладкую кожу — незаметно для себя маленькая пьяница уже наполовину распустила пояс.

— Шаошан, пора отдыхать, — голос её слегка охрип.

— Нет... — Чэн Шаошан покачала головой у неё на шее, волосы щекотали подбородок. — Я хочу смотреть на луну вместе с сестрой...

Лу Ци ничего не оставалось, кроме как позволить ей остаться в своих объятиях. Чэн Шаошан, обнаглев, обвилась вокруг неё, словно осьминог, бормоча что-то неразборчивое.

— Что ты говоришь? — Лу Ци наклонилась ближе.

— Я говорю... — Чэн Шаошан вдруг подняла голову, и её губы нечаянно скользнули по ключице

Лу Ци. — А Ци... я так тебя люблю... не бросай меня...

От этого «А Ци» Лу Ци оцепенела. Чэн Шаошан никогда не называла её по имени, не говоря уже о последующих словах, почти признании. А этот случайный лёгкий поцелуй заставил её сердце биться как бешеное, волна жара поднялась от живота к голове.

— Шаошан, ты пьяна, — она взяла себя в руки, пытаясь отцепить от себя этот человеческий аксессуар.

Но Чэн Шаошан обняла ещё крепче, глаза её внезапно покраснели:

— Сестра меня не выносит? Или... не хочешь меня больше?

Видя, что маленькая пьяница вот-вот расплчется, Лу Ци поспешно принялась успокаивать:

— Как такое возможно? Я всегда буду с Шаошан.

— Правда? — Чэн Шаошан подняла голову, глаза её были полны слёз.

— Правда, — Лу Ци стёрла влагу с уголка её глаза. — Пойдём домой, хорошо?

Чэн Шаошан наконец улыбнулась сквозь слёзы, но идти сама не захотела, раскинув руки, просилась на руки. Лу Ци ничего не могла с ней поделать, пришлось подхватить эту капризулю на руки и уверенным шагом направиться в спальню.

Девушка на руках была лёгкой, как кукла. Лу Ци опустила взгляд: Чэн Шаошан уже полуприкрыла глаза, длинные ресницы отбрасывали веерообразные тени на лицо, алые губы чуть приоткрылись, в дыхании чувствовался сладкий винный аромат.

— А Ци... — бессознательно пробормотала она, ткнувшись головой в грудь Лу Ци, устраиваясь поудобнее.

Лу Ци на мгновение замедлила шаг, в сердце поднялась невыразимая нежность. Она крепче прижала её к себе:

— Спи, я здесь.

В спальне Лу Ци осторожно опустила Чэн Шаошан на кровать, только собралась встать, чтобы взять влажное полотенце, как её рукав крепко ухватили.

— Не уходи... — В полусне силы Чэн Шаошан были невероятны, она так дёрнула, что Лу Ци пошатнулась и упала прямо на неё.

Их носы соприкоснулись, дыхание смешалось. Лу Ци оперлась на руки, глядя на пьяное личико в нескольких сантиметрах, и её кадык невольно дёрнулся. Но Чэн Шаошан, не чувствуя опасности, ещё наглее обвила её талию и уткнулась лицом в её грудь:

— Сестра такая тёплая...

Лу Ци закрыла глаза, подавляя бурлящее желание. Она мягко отцепила руки от своей талии, укрыла Чэн Шаошан парчовым одеялом и уже собралась уйти, как услышала сонный шёпот, полный слёз:

— Не бросай меня... одной... так холодно...

Протянутая рука замерла в воздухе. Лу Ци посмотрела на маленькое личико со следами слёз, наконец тяжело вздохнула, легла, не раздеваясь, и прижала её к себе:

— Спи, я здесь.

Чэн Шаошан, словно почувствовав источник тепла, тут же зарылась в её объятия, обхватив её руками и ногами, бормоча неразборчивые сонные слова. Лу Ци усмехнулась, легонько похлопывая её по спине, и, как младенца, принялась напевать мелодию приграничных земель.

Лунный свет проникал сквозь полог, нежно окутывая обнимающихся. Во сне Чэн Шаошан бессознательно потёрлась о подбородок Лу Ци, на губах застыла сладкая улыбка.

Лу Ци долго всматривалась в спящее лицо в своих объятиях и наконец не сдержалась, поцеловав её в макушку — лёгкий, словно крыло бабочки.

— Спокойной ночи, моя Шаошан.

За окном сиял Млечный Путь, только что построился Сорочий мост праздника Циси.

<http://bllate.org/book/19994/1971416>